СТРАНИЦА ИЗЪ ИСТОРІИ КРѢПОСТНАГО ПРАВА.

Записки Януарія Михайловича Невѣрова.

1810—1826 гг.

Я. М. Невѣровъ въ теченіе послѣдняго времени (1877—1883 гг.) составилъ обширныя и интересныя Записки о своей жизни и своей общественной дѣятельности. Почтенный авторъ не предназначалъ и не предназначаетъ ихъ къ печати. Онъ полагаетъ, между прочимъ, что его „скромная литературная и общественная дѣятельность не имѣетъ общаго интереса“ [1]). Но многое, однако, и въ особенности въ описаніи имъ его дѣтства и отрочества, вмѣстѣ съ нравственно-педагогическимъ интересомъ, дѣйствительно представляетъ яркую картину крѣпостного права,—картину, которая, какъ предполагаетъ Я. М. Невѣровъ, „конечно, вызоветъ не одинъ порывъ благодарности къ Монарху, избавившему Россію отъ этого страш-

---

[1]) Членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Я. М. Невѣровъ, бывшій пятнадцать лѣтъ попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа, началъ службу, по окончаніи курса въ Арзамасскомъ уѣздномъ училищѣ, въ мѣстномъ уѣздномъ судѣ канцеляристомъ; по смерти отца, заботами матери и благодаря собственной энергіи приготовился, минуя гимназію, къ поступленію въ Московскій университетъ, куда и поступилъ въ 1828 году. Въ 1832 г. Невѣровъ кончилъ курсъ кандидатомъ; въ 1833 г. началъ службу въ редакціи Журнала Мин. Нар. Просвѣщенія; въ 1836 г. оставилъ службу и поступилъ въ Берлинскій университетъ. По возвращеніи изъ-за границы, въ 1839 г., назначенъ инспекторомъ Рижской гимназіи, въ 1844 г.—директоромъ Черниговской, въ 1850 г.—Ставропольской, въ 1861 г.—директоромъ Лазаревскаго института и съ 1864 по 1879 г. занималъ постъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа („Сборникъ автографовъ“ въ ред. „Русской Старины“, томъ II, стр. 85). Ред.

наго бича". Зная, какъ часто и много разсказывалъ именно изъ этого періода своей жизни Я. М. Невѣровъ въ 1838—1839-хъ годахъ своимъ друзьямъ Грановскому, Станкевичу и молодому пріятелю и сожителю въ Берлинѣ И. С. Тургеневу, что именно не могло не вліять на нашего романиста, мы испросили дозволеніе у Я. М. Невѣрова привести нѣсколько страницъ изъ его Записокъ.

Ред.

I.

..."Я родился 18 августа 1810 года. Родина моя—городъ Ардатовъ, Нижегородской губерніи. Отецъ мой, губернскій секретарь Михаилъ Гавриловичъ Невѣровъ, былъ сынъ мѣстнаго протоіерея и изъ семинаріи [1]) поступилъ въ гражданскую службу и былъ секретаремъ Ардатовскаго земскаго суда, но вслѣдствіе какой-то исторіи былъ удаленъ отъ должности, сталъ заниматься хожденіемъ по частнымъ дѣламъ (адвокатурою) и составилъ себѣ репутацію отличнаго дѣльца. Онъ завѣдывалъ дѣлами богатаго помѣщика Кошкарова, часто бывалъ въ имѣніи его, въ селѣ Верякушахъ, бралъ меня туда съ собою, а моя мать даже жила тамъ долгое время со мною, что и дало мнѣ возможность близко приглядѣться къ быту этого своеобычнаго, даже для своего суроваго времени, 1820-хъ гг., душевладѣльца.

Петръ Алексѣевичъ Кошкаровъ—бодрый старикъ, которому въ эпоху гощенья моего въ с. Верякуши было лѣтъ подъ семьдесятъ. Онъ никогда не былъ женатъ; одна изъ его побочныхъ дочерей и ея семь братьевъ прижиты имъ были съ солдаткою Натальею Ивановной, которая хотя жила въ одномъ съ нимъ домѣ и была окружена нѣкоторымъ почетомъ какъ со стороны домочадцевъ, такъ и сосѣднихъ помѣщиковъ, посѣщавшихъ весьма часто Верякуши, но не только не имѣла никакого вліянія на Кошкарова и вообще на дѣла его, но даже и на дѣтей своихъ. У ней была особая комната, особая женская прислуга, и она являлась въ пріемныя комнаты какъ почетное лицо, впрочемъ—совершенно чуждое всему, что вокругъ нея происходило. Дѣти

---

[1]) Впрочемъ, не знаю, гдѣ онъ учился: всѣ его братья, а ихъ было двое—были также чиновниками, такъ что изъ всѣхъ дѣтей протоіерея Невѣрова ни одинъ не поступилъ въ духовную службу. Я. Н.

ея носили фамилію Щ—хъ и, получивъ домашнее образованіе, поступили въ военную службу, за исключеніемъ старшаго сына Всеволода, который служилъ въ статской и былъ въ Рыбинскѣ виннымъ приставомъ. Они часто пріѣзжали въ отпускъ и гостили по-долгу въ Верякушахъ. Кромѣ этихъ семи лицъ, къ составу семьи принадлежалъ еще отчасти полковникъ Корсаковъ, сынъ бѣдной дворянки изъ сосѣдней деревни, который въ дѣтствѣ взятъ былъ Кошкаровымъ на воспитаніе, опредѣленъ имъ вмѣстѣ съ своими сыновьями въ военную службу, а потому былъ какъ бы членомъ семьи. Впослѣдствіи онъ женился на племянницѣ Петра Алексѣевича, также побочной дочери Гаврила Алексѣевича Кошкарова, имѣвшаго помѣстье въ 10 верстахъ отъ Верякушъ. Гаврила Алексѣевичъ также никогда не былъ женатъ, и мать его дочери—простая крестьянка—была поставлена въ такое же положеніе, какъ и Наталья Ивановна, т. е. она пользовалась нѣкоторымъ почетомъ и была какъ бы хозяйкой—конечно, только номинальною въ домѣ, но впослѣдствіи Гаврила Алексѣевичъ взялъ къ себѣ вторую, молодую сожительницу, изъ-за чего у нихъ вышла крупная ссора съ Кор....., вступившимся за мать своей жены. Былъ еще третій братъ у нашего героя—Алексѣй Алексѣевичъ Кошкаровъ, имѣвшій помѣстье также недалеко отъ Верякушъ, но это былъ человѣкъ женатый, а потому прервавшій съ братьями всѣ сношенія—ни онъ къ нимъ, ни они къ нему никогда не ѣздили.

Село Верякуши лежитъ въ полутора верстѣ отъ почтовой дороги изъ Арзамаса въ Тамбовъ, въ 6 верстахъ отъ станціи Орѣховецъ. Въ немъ было болѣе двухсотъ дворовъ, и оно расположено вокругъ довольно большого пруда, на берегу коего небольшая деревянная церковь, а близь нея помѣщичій домъ—обширное, старое деревянное зданіе на дворѣ, окруженномъ многочисленными хозяйственными постройками: кухнею, людскими, амбарами и проч.; впрочемъ на другой сторонѣ пруда, такъ называемой Волынской, былъ другой, новый барскій домъ, принадлежавшій Натальѣ Ивановнѣ, но онъ оставался пустымъ и только изрѣдка занимался подъ помѣщеніе гостей и вообще служилъ цѣлію нашихъ прогулокъ, такъ какъ новый домъ былъ изящно меблированъ, содержался весьма чисто и украшенъ былъ семейными портретами. Вообще, хозяйственная политика Кошкарова была

такова: родовое имѣніе было для него неприкосновенною собственностью, и онъ завѣдывалъ имъ самъ, все же благопріобрѣтенное, какъ собственность дѣтей, состояло въ вѣдѣніи Натальи Ивановны, и у нея была своя касса, свое хозяйство, а потому и новый домъ былъ въ ея исключительномъ завѣдываніи; кромѣ денегъ, дома и проч., кажется, были и крестьяне, купленные на имя ея сыновей Щ—хъ, такъ какъ сама Наталья Ивановна до самой смерти подписывалась—я это очень хорошо помню—„солдатка Наталья Иванова"; но какимъ образомъ ея сыновьямъ усвоена была фамилія Щ—хъ и дворянскія права—объяснить не могу. Въ то время нерѣдко бывали такіе случаи, что помѣщикъ, имѣвшій побочныхъ дѣтей, подкупалъ какого нибудь бѣдняка-дворянина, на имя коего священникъ записывалъ новорождающихся незаконныхъ дѣтей барина, и такимъ образомъ они пользовались правами потомственныхъ дворянъ. До самой смерти Кошкаровъ былъ вѣренъ принципу сохраненія родового имѣнія для передачи его законнымъ наслѣдникамъ—братьямъ, и только въ 1826-мъ году рѣшился было заложить его въ Московскій Опекунскій совѣтъ съ тѣмъ, чтобы на пріобрѣтенный такимъ образомъ капиталъ купить имѣніе на имя сыновей своихъ Щ** и тѣмъ увеличить скромныя средства, скопленныя для нихъ Натальею Ивановною; съ этою цѣлію отправился онъ въ Москву, но, пріѣхавъ въ Арзамасъ, занемогъ и послѣ кратковременной болѣзни умеръ въ нашемъ Арзамасскомъ домѣ. Такимъ образомъ, проэктъ этотъ не осуществился, и все родовое имѣніе его по смерти перешло въ родъ Кошкаровыхъ, а Щ—вы остались при тѣхъ небольшихъ средствахъ, которыя для нихъ скопила Наталья Ивановна.

II.

Верякушскіе крестьяне были на пашнѣ, и Кошкаровъ самъ завѣдывалъ хозяйственными дѣлами съ помощію своего quasi-секретаря Ѳеоктисты Семеновны, дѣвушки среднихъ лѣтъ, весьма красивой, бойкой и развитой, мать которой была начальницею гарема Кошкарова. Ѳеоктиста, конечно, получила домашнее образованіе въ Верякушахъ, но кромѣ того, что она завѣдывала всею перепискою Кошкарова, счетами,—она была весьма начитанная

особа и очень хорошая музыкантша. Это было третье по важности лицо въ домѣ, и она пользовалась правами члена семьи, т. е. сидѣла въ гостиной, принимала гостей, выѣзжала въ гости, словомъ, была какъ бы второю барынею. Одни подозрѣвали въ ней также дочь Кошкарова, другіе, напротивъ того, почитали ее намѣстницею Натальи Ивановны, которая, конечно, уже давно утратила свои матримоніальныя права и отношенія и была чисто пассивнымъ лицомъ въ домѣ, только какъ мать дѣтей барскихъ. Ѳеоктиста же, какъ дѣятельный домоправитель, постоянно находилась при Кошкаровѣ и, кромѣ чисто секретарскихъ обязанностей, т. е. веденія счетовъ, переписки, читала ему—время отъ времени—книги и играла на фортепіано, и своей игрой увлекала даже и меня: я помню, что слушалъ ее съ особымъ удовольствіемъ и у нея же началъ учиться игрѣ на фортепіано.

Не смотря на обширность хозяйства, оно велось такъ удачно, что крестьяне были очень довольны Кошкаровымъ и отличались замѣтною—въ отношеніи къ сосѣдямъ—зажиточностью. Даже такого рода повинность, что если въ какой-либо семьѣ дочь отличалась красивою наружностью, то ее брали въ барскій гаремъ, т. е. дворню,—не только не возмущала ихъ, но даже радовала семью, потому что за это ей прибавлялся надѣлъ и давались разныя льготы.

Я упомянулъ, что у Петра Алексѣевича былъ гаремъ.

Дѣйствительно, бытъ женской прислуги въ его домѣ имѣлъ чисто гаремное устройство. Изъ многочисленной мужской прислуги—болѣе сорока человѣкъ, считая поваровъ, кучеровъ, садовниковъ и проч.—однихъ лакеевъ, которые всѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, были музыканты, пѣвчіе и псовые охотники, было до 20 человѣкъ; многіе были, конечно, женаты, но жены ихъ жили на общихъ основаніяхъ, или въ отдѣльныхъ съ мужьями комнаткахъ, или въ общихъ помѣщеніяхъ при прачешныхъ, конюшняхъ, оранжереяхъ и псовомъ дворѣ; точно также были особыя горничныя при Натальѣ Ивановнѣ и для прислуги гостямъ, но 12—15 молодыхъ и красивыхъ дѣвушекъ занимали цѣлую половину дома и предназначались только для прислуги Кошкарова; вотъ онѣ-то и составляли то, что я назвалъ гаремомъ. Весь барскій домъ раздѣлялся на двѣ половины—мужскую и женскую. Первая состояла изъ прихожей, обвѣшанной охотничьими трубами, ору-

жіемъ,—огромнаго зала, буфета, биліардной, диванной и такъ называемой братской комнаты, въ которой помѣщались сыновья помѣщика, когда пріѣзжали въ отпускъ. Всѣ эти комнаты были очень обширны, и въ нихъ же помѣщались и гости, остававшіеся ночевать, а пріѣзжавшіе на болѣе продолжительный срокъ располагались въ новомъ барскомъ домѣ за прудомъ. Вторая, собственно женская половина барскаго дома, начиналась гостиной, которая, собственно, была нейтральною комнатою, потому что въ ней обыкновенно на одномъ диванѣ сидѣлъ Кошкаровъ, а на другомъ, напротивъ, Наталья Ивановна, и особое мѣсто имѣла Ѳеоктиста Семеновна. Здѣсь же обыкновенно проводили время всѣ прочіе члены семьи и гости, и здѣсь стояло фортепьяно. У дверей гостиной, ведущихъ въ залъ, стоялъ обыкновенно дежурный лакей, а у противоположныхъ дверей, ведущихъ въ спальню Кошкарова—дежурная дѣвушка, и какъ лакей не могъ переступить порога спальни, такъ дѣвушка не могла перешагнуть черезъ порогъ зала; но если случалось, что вслѣдъ за выходомъ дежурнаго лакея нужно было тотчасъ отдать приказаніе, касавшееся мужской прислуги, то дѣвушка должна была отворить дверь, остававшуюся всегда закрытою, и громко позвать помощника дежурнаго и отдать ему приказаніе; дверь же въ спальню никогда не закрывалась, и если выходила дежурная, то тотчасъ же являлась другая, да по большей части дежурная и ея помощница обѣ стояли вмѣстѣ, такъ что не было надобности вызывать кого-нибудь. Не только дежурный лакей или кто нибудь изъ мужской прислуги, но даже мужскіе члены семьи или гости не могли пройти далѣе дверей, охраняемыхъ дежурною дѣвушкою. За гостиной слѣдовала такъ называемая спальня, но въ ней не было ни кровати, ни какихъ-либо другихъ спальныхъ и туалетныхъ принадлежностей, а это была въ сущности вторая гостиная, въ которой также иногда располагался Кошкаровъ со всею семьею. Отличіемъ ея служила нишь, за которой помѣщались постельныя принадлежности Кошкарова; въ этой же комнатѣ стояли шкафы съ книгами. Затѣмъ слѣдовалъ кабинетъ, но также безъ всякихъ кабинетныхъ принадлежностей, а просто большая комната съ разными хозяйственными вещами и отхожимъ мѣстомъ собственно для Кошкарова, и тутъ же былъ входъ къ комнату Натальи Ивановны и другой въ дѣвичью, огромную комнату съ нѣсколькими отдѣльными ка-

морками. Кошкаровъ никогда не спалъ въ спальной, въ которой—какъ сказано выше—не было и кровати, а только за перегородкой хранились спальныя принадлежности. Обыкновенно, вечеромъ, послѣ ужина дежурная дѣвушка, по его приказанію, объявляла громко дежурному лакею: „барину угодно почивать", что было знакомъ для всей семьи расходиться по своимъ комнатамъ; удалялась, раскланявшись, Наталья Ивановна, а за нею и всѣ мы, а лакеи вносили тотчасъ въ гостиную изъ мужской половины простую деревянную кровать и, поставивъ ее посреди комнаты, тотчасъ удалялись, а дверь изъ гостиной въ залъ запиралась, и дѣвушки изъ спальной выносили пуховикъ, одѣяло и прочія принадлежности для постели Кошкарова, который въ это время совершалъ вечернюю молитву по молитвеннику, при чемъ дежурная держала свѣчу, а въ это время всѣ прочія дѣвушки вносили свои койки и располагали ихъ вокругъ кровати Кошкарова, такъ какъ всѣ непремѣнно должны были, кромѣ Матрены Ивановны,—начальницы гарема,—спать въ одной съ Кошкаровымъ комнатѣ, причемъ дежурная раздѣвала его и, уложивъ въ постель, садилась возлѣ на стулъ и начинала непремѣнно сказывать сказки, имѣя въ рукахъ кусокъ краснаго сукна, которымъ, по требованію лежащаго, иногда растирала ему спину или ноги и цѣлую ночь оставалась на стулѣ, не смѣя лечь спать. Поутру она отпирала дверь въ залъ и, возвѣстивъ громко мужской прислугѣ, что „баринъ приказалъ ставни открывать",—удалялась въ каморку при дѣвичьей и тамъ ложилась спать; новая же дежурная поднимала съ постели барина, а прочія дѣвушки убирали свои койки изъ гостиной.

Утро было самое тяжелое и непріятное время для всѣхъ, въ особенности для горничныхъ. Пока Кошкаровъ одѣвался и умывался, онъ до самой утренней молитвы и непосредственно слѣдующаго за нею чаю и трубки табаку—былъ необыкновенно раздражителенъ, и всѣ наказанія производились въ это время. Особенно доставалось бѣднымъ дѣвушкамъ: если не было экзекуцій розгами, то многія получали лично отъ него пощечины, и все утро раздавалась крупная брань, иногда безъ всякаго повода, подъ предлогомъ, напримѣръ, что дежурная, стоя у дверей, очень часто и умильно посматривала на дежурнаго лакея, стоявшаго съ противоположной стороны, или, передавая ему какое нибудь

приказаніе барское, возвращалась на свое мѣсто раскраснѣвшись,—это также преступленіе: значитъ „ей захотѣлось", какъ объяснялъ Кошкаровъ, и на слѣдующее утро за то ей давалась пощечина. Все это—говорю—продолжалось отъ четверти часа до получаса во время вставанья съ постели; затѣмъ, помолившись Богу и сѣвши на диванъ съ чашкою чаю и трубкою табаку, Петръ Алексѣевичъ дѣлался кроткимъ и любезнымъ хозяиномъ,—двери отворялись въ залу, являлась Наталья Ивановна и вся семья, и если онъ не ѣхалъ на охоту или не отправлялся по хозяйству, то послѣ хозяйственныхъ распоряженій и рапортовъ старосты, конюшаго, садовника, ловчаго (ловчій—начальникъ псовой охоты и смотритель псарнаго двора) занимался дѣлами съ Ѳеоктистой Семеновной или, по временамъ, слушалъ ея игру на фортепіано; она также читала ему книги; затѣмъ, когда наступало время обѣда и раздавался призывающій къ столу звонокъ, ему вносили въ гостиную маленькій обѣденный столикъ, а мы всѣ садились въ залѣ за общій столъ, и намъ услуживали лакеи, Кошкарову же дѣвушки. Послѣ стола мы всѣ расходились по своимъ комнатамъ, а Кошкарову приносили на диванъ подушки, и онъ ложился отдыхать, причемъ дежурная садилась возлѣ и читала ему какую нибудь книгу. Послѣ послѣобѣденнаго отдыха семья опять собиралась въ гостиную, занималась музыкой, а Кошкаровъ игралъ въ карты, обыкновенно въ вистъ въ четверомъ, и если не было гостей, то партнерами бывали и горничныя, но не садились за карточный столъ, а должны были играть стоя; Наталья Ивановна же на своемъ мѣстѣ раскладывала пасьянсъ или играла съ кѣмъ-нибудь въ пикетъ, причемъ и мнѣ доводилось не рѣдко быть партнеромъ у Кошкарова или у Натальи Ивановны. Я, впрочемъ, охотнѣе игралъ съ послѣднею, потому что играли на изюмъ, тогда какъ съ Кошкаровымъ не было никакихъ призовъ игры,—а потому я тихонько подъ столомъ передавалъ тузовъ и всѣ лучшія карты его партнеру, чтобы скорѣе окончить обычные шесть роберовъ и отправиться въ залъ къ музыкантамъ или въ женскую половину къ дѣвушкамъ.

По вечерамъ часто собирался въ сосѣдней комнатѣ домашній оркестръ и если были гости, то устраивались танцы; когда же призывали пѣвчихъ, то такъ какъ въ хорѣ участвовали и дѣвушки, то хоръ устраивался въ гостиной, но въ такомъ случаѣ хоръ исполнялъ

не церковную музыку, а русскія и другія пѣсни, между которыми было много не только двусмысленныхъ, но даже прямо непристойнаго содержанія. Изъ нихъ у меня осталась въ памяти очень пріятная въ мелодическомъ отношеніи пѣсня: „сзади іорникъ шель пѣшкомъ“; собственно, содержаніе ея состоитъ изъ набора фразъ, не имѣющихъ въ себѣ ничего шокирующаго, но мелодія составлена такъ, что въ концѣ каждаго куплета первый стихъ разсѣкается долгою нотою, отъ чего выходитъ самое площадное сквернословіе. . . . . .

. . . . . И это пѣлось хоромъ мужчинъ и дѣвушекъ, не только при всей семьѣ нашей, но и при гостяхъ, если только между ними не было дамъ. Вообще существовала цѣлая рукописная литература подобнаго рода стихотвореній и пьесъ, неизвѣстно кѣмъ составленная. Цѣлый портфейль былъ ею наполненъ и портфейль этотъ находился въ распоряженіи Ѳеоктисты Семеновны.

Помню очень хорошо одинъ случай: мать полковника Кор*..., воспитывавшагося въ домѣ Кошкарова вмѣстѣ съ его сыновьями, Щ—ми, и составлявшаго какъ бы члена семьи Петра Алексѣевича,—Авдотья Ивановна жила въ сосѣдней деревнѣ въ трехъ верстахъ отъ Верякушъ и по праздникамъ приходила пѣшкомъ въ Верякушскую церковь, а по окончаніи обѣдни, конечно, заходила на барскій дворъ, чтобы отдохнуть и выпить чашку чаю. Вотъ, однажды, Кошкаровъ обращается къ ней съ вопросомъ: „Слышала ли ты, Авдотья Ивановна, что у насъ теперь война? вотъ, можетъ быть и наши (т. е. Щ—вы и Кор—въ) теперь сражаются?“—„Нѣтъ, батюшка, не слыхала“.—„Какъ же! вотъ и въ газетахъ есть о томъ. Эй, Ѳеоктиста, прочти описаніе взятія Ширшавинской крѣпости!“ Это юмористическое иносказательное описаніе процесса лишенія дѣвушки невинности, которое Ѳеоктиста Семеновна тотчасъ доставала изъ завѣтнаго портфейля и начинала торжественнымъ голосомъ читать вслухъ. Описаніе оканчивается фразою: „наконецъ, непріятель вторгнулся въ крѣпость, и полились потоки крови, а съ задняго бастіона послѣдовалъ выстрѣлъ“. При этомъ бѣдная старушка начинала усердно креститься, повторяя: „Господи, какое кровопролитіе“, а публика разражалась громкимъ хохотомъ, который Кошкаровъ объяснялъ старухѣ тѣмъ, что это описаніе войны съ французами, а теперь войны нѣтъ, а

только боятся, что будетъ,—и тѣмъ успокоивалъ бѣдную мать, боявшуюся за своего сына. Всѣ эти пѣсни, двусмысленныя описанія и такого же рода фразы пѣлись, читались и говорились дѣвушками безъ всякой застѣнчивости,—да и что удивительнаго: разъ въ недѣлю Кошкаровъ отправлялся въ баню, и его туда должны были сопровождать всѣ обитательницы его гарема, и нерѣдко тѣ изъ нихъ, которыя еще не успѣли, по недавнему нахожденію въ этой средѣ, усвоить всѣ ея взгляды, и въ банѣ старались спрятаться изъ стыдливости,—возвращались оттуда битыми. Вообще съ дѣвушками Кошкаровъ обращался сурово, но съ крестьянами и мужскою прислугою былъ очень добръ и ласковъ, и наказаніе лакеевъ было такъ рѣдко, что въ теченіе 8 или почти 9 лѣтъ моего частаго посѣщенія и житья въ Верякушахъ я помню только одинъ случай наказанія, но случай такой возмутительный, что онъ произвелъ на меня глубоко-потрясающее впечатлѣніе и имѣлъ на меня огромное нравственное вліяніе.

III.

Я не пользовался ласками хозяйской семьи, а Кошкаровъ, вслѣдствіе неудовольствія на моего отца, относился ко мнѣ даже съ пренебреженіемъ и нерѣдко называлъ меня „подьячимъ“. Ребенкомъ—я цѣлый день проводилъ между дѣвушками въ женской половинѣ, и онѣ меня очень ласкали, потому что я былъ единственное дитя въ домѣ. Ночь, конечно, я проводилъ въ мужской половинѣ, и изъ мужской прислуги меня въ особенности ласкалъ конюшій Ѳедоръ, котораго, вслѣдствіе того, я очень любилъ.

Изъ числа гаремныхъ дѣвушекъ молодая, недавно вступившая въ гаремъ, Аѳимья сильно понравилась Ѳедору, и онъ рѣшился—во чтобы то ни стало—похитить ее и бѣжать съ нею, такъ какъ не было другой возможности имъ сблизиться, и сношенія между ними производились, конечно, только по тайной перепискѣ, потому что лично имъ не было никакой возможности объясниться. Такъ какъ Ѳедоръ завѣдывалъ конскимъ заводомъ, то въ условленное съ Аѳимьей время, вечеромъ, онъ запрегъ въ повозку тройку лихихъ лошадей и, подъѣхавъ сзади дѣ-

вичьяго отхожаго мѣста, выломалъ тамъ доску и поджидалъ Аѳимью. Отхожее мѣсто было устроено въ видѣ шатра противъ дѣвичьяго крыльца, и задняя сторона его выходила на площадь, гдѣ Ѳедоръ стоялъ съ лошадьми. Обыкновенно, дѣвушки ходили за естественною нуждою не иначе какъ съ дозволенія и подъ надзоромъ начальницы своей—Матрены Ивановны, которая, обыкновенно, приказывала имъ поджидать, пока соберутся двѣ—три и тогда выходила съ ними на крыльцо и поджидала, пока онѣ окончатъ свою нужду. Такъ было и въ описываемомъ случаѣ, съ тою только разницею, что Аѳимья, заявивъ о своей крайней нуждѣ, вошла въ шатеръ первая и, заперевъ дверь, чрезъ выломанную Ѳедоромъ доску тотчасъ вышла изъ шатра, сѣла съ нимъ въ телѣгу и ускакала. Матрена Ивановна и подруги ждутъ пять, десять минутъ,—наконецъ, начинаютъ кричать: „Аѳимья, что съ тобой? выходи!“ Аѳимья не выходитъ. Поднялась тревога, сбѣжались люди, выломали дверь, и тогда, замѣтивъ проломъ, догадались о побѣгѣ. Тотчасъ доложили Кошкарову. Велѣно было всѣмъ людямъ забрать въ конюшнѣ лошадей и отправиться немедленно по всѣмъ дорогамъ въ погоню за бѣглецами,—и къ утру ихъ догнали и привели назадъ. Аѳимья послѣ сильной порки была посажена на стулъ на цѣлый мѣсяцъ. Это одно изъ самыхъ жестокихъ наказаній, теперь едва-ли кому извѣстныхъ, а потому я постараюсь описать его.

На шею обвиненной надѣвался широкій желѣзный ошейникъ, запиравшійся на замокъ, ключъ отъ котораго былъ у начальницы гарема; къ ошейнику прикрѣплена небольшая желѣзная цѣпь, оканчивающаяся огромнымъ деревяннымъ обрубкомъ, такъ что, хотя и можно было, приподнявъ съ особымъ усиліемъ послѣдній, перейти съ одного мѣста на другое,—но по большей части это дѣлалось не иначе, какъ съ стороннею помощью; вверху у ошейника торчали желѣзныя спицы, которыя препятствовали наклону головы, такъ что несчастная должна была сидѣть неподвижно, и только на ночь подкладывали ей подъ заднія спицы ошейника подушку, чтобы она сидя могла заснуть. Инструментъ этотъ хранился въ дѣвичьей, и я въ теченіе восьми лѣтъ одинъ разъ только видѣлъ примѣненіе его на несчастной Аѳимьи,—и не помню, чтобъ онъ въ это время примѣнялся къ кому нибудь изъ мужской прислуги, которая вообще пользовалась несравненно бо-

лѣе гуманнымъ обращеніемъ,—но исторія съ несчастнымъ Ѳедоромъ составляетъ исключеніе [1]).

Въ тотъ же день, когда была произведена экзекуція надъ Аѳимьей,—которую я впрочемъ не видѣлъ, потому что ее производили въ обыкновенное время всѣхъ расправъ съ дѣвушками—утромъ до чая, когда женская половина закрыта для всѣхъ,—и расправы эти, конечно, производились женщинами,—послѣ чаю приведенъ былъ на дворъ предъ окна кабинета бѣдный Ѳедоръ. Кошкаровъ сталъ подъ окномъ и, осыпая его страшною бранью, закричалъ: „люди, плетей!“ Явилось нѣсколько человѣкъ съ плетьми, и тутъ же на дворѣ началась страшная экзекуція. Кошкаровъ, стоя у окна, поощрялъ экзекуторовъ криками: „валяй его, валяй сильнѣй!“ что продолжалось очень долго, и несчастный сначала страшно кричалъ и стоналъ, а потомъ началъ притихать и совершенно притихъ, а наказывавшіе остановились. Кошкаровъ закричалъ: „что-жъ стали? валяй его!“—„Нельзя“, отвѣчали тѣ:—„умираетъ“. Но и это не могло остановить ярость Кошкарова гнѣва. Онъ закричалъ: „эй, малый, принеси лопату“. Одинъ изъ сѣкшихъ тотчасъ побѣжалъ на конюшню и принесъ лопату. „Возьми г.... на лопату“, закричалъ Кошкаровъ. Надобно замѣтить, что предъ его окнами постоянно стояла колода, въ которой кормились назначаемыя въ разгонъ лошади, а въ этотъ день тутъ кормились всѣ бывшія въ погонѣ за бѣглецами, а потому, естественно, около нихъ образовались кучки лошадинаго кала. При словѣ: „возьми г.... на лопату“ державшій ее зацѣпилъ тотчасъ кучу лошадинаго кала. „Брось его въ рожу мерзавцу и отведи его прочь!“

При этихъ словахъ я, стоявшій во все время въ той же комнатѣ и горько плакавшій, потому что мнѣ очень жаль было бѣднаго Ѳедора, который постоянно ласкалъ меня,—до такой степени былъ возмущенъ этимъ варварствомъ, что вырвался изъ

---

[1]) Такого рода истязанія практиковались не только между помѣщиками 1820-хъ годовъ, но и у служилыхъ людей. Это видно, между прочимъ, изъ высочайшаго указа, даннаго сенату 9-го февраля 1827-го года, въ которомъ объяснено, что нѣкто «служилый сотникъ Григорій Левицкій—сажалъ малороссіянина Климова въ станичной избѣ въ какую то неподвижную колоду»,—каковой способъ держанія людей указъ призналъ за «родъ пытки, отъ послѣдствій каковой пытки Климовъ и умеръ».

Государь повелѣлъ всѣ «подобныя орудія истребить» повсемѣстно.

Сообщ. 30-го іюля 1874 г. Г. К. Р—й.

рукъ дѣвушки Настасьи, которая старалась успокоить меня и закрывала мое лицо отъ Кошкарова, чтобы онъ не видалъ моихъ слезъ,—и бросился на него съ намѣреніемъ его самого ударить въ лицо—но Настасья меня оттащила и увела въ другую комнату. Кошкаровъ однако замѣтилъ мое порывистое къ нему движеніе и спросилъ: „что съ нимъ? чего онъ барахтается?“ Настасья объяснила, что я будто хотѣлъ просить прощенія Ѳедору,—и тѣмъ дѣло и кончилось. Но сцена эта произвела на меня такое потрясающее впечатлѣніе, что съ тѣхъ поръ рука моя осталась чиста на всю жизнь: она не иначе прикасалась къ человѣку, да даже и животному, какъ съ лаской, и все это—какъ теперь понимаю—именно потому, что я былъ свидѣтелемъ возмутительнаго истязанія и надругательства надъ человѣкомъ, мнѣ близкимъ, меня ласкавшимъ, — и это было въ моемъ дѣтствѣ — мнѣ было шесть лѣтъ,—а въ это время всѣ впечатлѣнія неизгладимо остаются въ памяти на всю жизнь. Весьма вѣроятно, что если-бы страждущимъ лицемъ въ этой сценѣ былъ кто-нибудь другой, а не мой добрый Ѳедоръ, то я бы отнесся къ ней если не равнодушно, то по крайней мѣрѣ безъ такого сильнаго потрясенія, а при частомъ повтореніи предо мною наказаній разнаго рода надъ другими привыкъ бы къ нимъ и смотрѣлъ бы на нихъ какъ на обыкновенный порядокъ вещей, но, повторяю, такого звѣрства надъ мужскою прислугою я не видалъ, да кажется, его и не было, а всѣ пощечины и порки дѣвушкамъ производились утромъ, до чая, слѣдовательно, я не могъ быть при нихъ; сажанье же на стулъ было, вѣроятно, нерѣдко, но на короткое время, а потому у меня осталась въ памяти только исторія съ бѣдной Аѳимьей. Что сдѣлалось послѣ съ бѣднымъ Ѳедоромъ—не знаю, потому что его затѣмъ я не видѣлъ болѣе. Онъ долго былъ боленъ, а по выздоровленіи, вѣроятно, былъ сосланъ въ другую деревню, или даже умеръ. Аѳимью же, дѣйствительно, я видѣлъ съ мѣсяцъ или болѣе пригвожденною къ своему такъ называемому стулу, потому что она сидѣла въ дѣвичьей, куда я имѣлъ всегда свободный входъ. Затѣмъ она была исключена изъ горничныхъ и употреблялась для черной работы: помню, что она въ простомъ крестьянскомъ платьѣ съ метлой въ рукахъ мела барскій дворъ и жила у дяди своего—садовника. Дальнѣйшая же ея участь мнѣ также неизвѣстна.

IV.

Я сказалъ, что связь Аѳимьи съ Ѳедоромъ началась и производилась посредствомъ тайной переписки, такъ какъ дѣвушки лишены были всякой возможности сближаться съ мужскою прислугою и даже въ случаѣ передачи какихъ либо приказаній барина дежурная не смѣла переступить порогъ изъ гостиной въ залу, но должна была, отворивъ дверь, громко передать приказаніе и тотчасъ возвратиться. Къ семьѣ, къ роднымъ онѣ никогда не отпускались ни подъ какимъ предлогомъ, а принимали ихъ въ общей дѣвичьей, и то, если приходили братья или другіе мужскіе родственники, то бесѣда производилась подъ наблюденіемъ Матрены Ивановны. Дѣвушки ходили, конечно, въ церковь и дѣлали прогулки въ садъ, но не иначе, какъ полнымъ хоромъ и подъ наблюденіемъ той же Матрены Ивановны; а въ церкви у нихъ было особо назначенное для нихъ мѣсто. Переписка же, какъ я узналъ послѣ, производилась такимъ образомъ, что дѣвушка и лакей, стоя во время дежурства въ гостиной,—одинъ у однихъ дверей, другая у другихъ, имѣли наготовѣ записки, и, въ случаѣ, если надобно было отдать стаканъ или чашку или вообще передать что-нибудь другъ другу, то вмѣстѣ съ тѣмъ давалась и заранѣе приготовленная записка съ названіемъ шопотомъ лица, которому она назначалась,—и эта тайная почта исполняла свои обязанности самымъ добросовѣстнымъ образомъ, потому что къ тому побуждалъ общій интересъ. Хотя не только въ селеніи, но и въ барскомъ дворѣ не было школы, но большинство мужской прислуги и всѣ безъ исключенія дѣвушки были не только грамотныя, но очень развитыя и начитанныя, и въ распоряженіи ихъ состояла довольно большая библіотека, состоявшая, конечно, почти исключительно изъ беллетристическихъ произведеній. Для дѣвушки грамотность была обязательна, иначе она не могла исполнять своихъ обязанностей чтицы при Кошкаровѣ, партнерки въ вистъ и проч., а потому каждая вновь поступившая тотчасъ же начинала учиться чтенію и письму у подругъ,—но не было не только правильно организованной школы, но даже опредѣленной учительницы: обязанности послѣдней исполняла каждая свободная подруга, и обученіе шло очень быстро. Благодаря этому, и

я въ раннемъ дѣтствѣ научился читать и писать самъ не знаю отъ кого, потому что, какъ сказано прежде, я почти цѣлый день проводилъ въ средѣ дѣвушекъ. Для мужской прислуги грамотность хотя и не была обязательна, но большинство ея также было грамотнымъ, обучаясь такимъ же способомъ, какъ и дѣвушки, и тамъ побужденіемъ къ грамотности было то, что не будучи грамотнымъ нельзя было получить высшихъ должностей: дворецкаго, буфетчика, конюшаго, ловчаго—или попасть въ хоръ музыкантовъ и пѣвчихъ[1]). Главною моею учительницею, вѣроятно, была добрая Настасья, потому что я въ особенности помню, что она постоянно привлекала меня къ себѣ разсказами о прочитанныхъ ею книгахъ, и что отъ нея я впервые услыхалъ стихи Пушкина и со словъ ея наизусть выучилъ Бахчисарайскій фонтанъ и впослѣдствіи завелъ у себя цѣлую тетрадь стихотвореній Пушкина же и Жуковскаго. Вообще дѣвушки всѣ были очень развиты: онѣ были прекрасно одѣты и получали—какъ и мужская прислуга—ежемѣсячное жалованье и денежные подарки къ праздничнымъ днямъ. Одѣвались же всѣ, конечно, не въ національное, но въ общеевропейское платье. Послѣ извѣстнаго времени гаремной службы онѣ выдавались за-мужъ за заслуженныхъ лакеевъ и получали хорошее приданое, и только за тяжкіе проступки исключались—подобно Аѳиньи—изъ дѣвичьей и возвращались въ семьи съ воспрещеніемъ носить такъ называемое барское (европейское) платье, которое у нихъ отбиралось,—или отсылались на кухню на черную работу.

Мужская прислуга—разумѣю комнатную—также была весьма многочисленна и находилась подъ главнымъ начальствомъ дворецкаго. Большинство лакеевъ были вмѣстѣ съ тѣмъ и псовыми охотниками, т. е. когда баринъ выѣзжалъ въ отъѣзжее поле, надѣвали охотничьи костюмы, садились на коней и провожали его на охоту, а вмѣстѣ съ тѣмъ участвовали въ музыкальномъ или пѣвческомъ хорѣ. Музыкальный хоръ былъ, впрочемъ, небольшой и игралъ только для танцевъ, но пѣвчихъ было человѣкъ 15 мужчинъ и четыре или пять дѣвушекъ изъ горничныхъ. Хоръ обучался и репетировалъ, конечно, на мужской половинѣ,

[1]) А съ этимъ сопряжены были нѣкоторыя весьма существенныя преимущества въ такъ называемомъ мѣсячномъ, т. е. ежемѣсячно выдаваемомъ денежномъ жалованьи, и въ одеждѣ. Я. Н.

а дѣвушки являлись туда подъ надзоромъ Матрены Ивановны или ея помощницы; регентъ хора былъ вольнонаемный. Кромѣ пѣнія въ церкви, хоръ — какъ я сказалъ выше — при гостяхъ и даже безъ гостей призывался иногда по вечерамъ въ гостиную и развлекалъ Кошкарова пѣніемъ народныхъ и другихъ пѣсенъ. Вообще Кошкаровъ очень любилъ музыку, и всѣ его сыновья, Щ**..., были музыкантами, — а одинъ изъ нихъ — Петръ Петровичъ — даже композиторомъ, но сочиненія его, преимущественно пѣсни и варіаціи къ нимъ для фортепіано, не распространялись далѣе Верякушъ и, конечно, никогда не появлялись въ печати. Оттуда и у меня съ ранняго дѣтства проявилась любовь къ музыкѣ, и я такимъ же способомъ, какъ и грамотѣ, т. е. почти самоучкою, выучился брянчать на фортепіано.

V.

Такъ какъ я проводилъ время почти исключительно на женской половинѣ дома,—за исключеніемъ ночи,—то на меня дѣвушки имѣли почти исключительное вліяніе: у нихъ я выучился грамотѣ, игрѣ на фортепіано, получилъ страсть къ чтенію, а потому остался чуждъ псовой охотѣ, которая составляла главный интересъ мужской половины. Мнѣ нравилась только внѣшняя обстановка этой забавы, которая была очень эффектна. Когда Кошкаровъ задумаетъ бывало ѣхать на охоту, то призывается ловчій, съ которымъ ведется совѣщаніе, куда именно ѣхать. Избравъ мѣсто охоты, Кошкаровъ даетъ приказаніе собираться, — и тогда ловчій надѣваетъ охотничій костюмъ, беретъ трубу и, выйдя на крыльце, долго трубитъ, давая тѣмъ знакъ къ сборамъ. По первому же звуку трубы конюшій собираетъ лошадей, псари ведутъ собакъ, а охотники въ своихъ живописныхъ костюмахъ садятся на лошадей, и подается для Кошкарова коляска, за которой ѣдетъ верхомъ конюшій, держа подъ узды барскую верховую лошадь. Когда баринъ готовъ, то ловчій снова трубитъ, и охотники выстраиваются въ рядъ, и, какъ только выйдетъ Кошкаровъ и сядетъ въ коляску, то вся кавалькада съ пѣснями отправляется въ путь; возвращеніе совершается при такой же торжественной обстановкѣ, что, конечно, очень меня интересовало. Но такъ какъ съ отъѣздомъ на охоту весь домъ пустѣлъ, и въ дѣвичьей закипала

болѣе широкая жизнь, то я былъ вполнѣ доволенъ, что могъ оставаться дома съ дѣвушками, а потому собственно охота меня вовсе не интересовала. Я только съ удовольствіемъ участвовалъ въ прогулкахъ на псарный дворъ. Прогулки эти устраивались, конечно, только лѣтомъ, въ хорошую погоду, передъ закатомъ солнца — именно въ пору вечерняго кормленія собакъ. Давалось заранѣе знать ловчему, и въ назначенный часъ отправлялся Кошкаровъ со всей семьей и даже въ сопровожденіи всего гарема. Псарный дворъ былъ на площади, шагахъ въ двухъ-стахъ отъ барскаго двора. Предъ воротами его была длинная колода, въ которой готовилась пища для собакъ—овсянная мука съ водой и куски мяса. Предъ колодой ставилось кресло для Кошкарова и стулья для гостей, прочая же публика размѣщалась на скамьяхъ. Когда мѣсиво было готово, ловчій давалъ знакъ въ трубу, и тотчасъ же отворялись ворота и выбѣгали сначала борзыя, но, не касаясь корыта, строились во фронтъ передъ нимъ, сидя на заднихъ лапахъ. По второму знаку трубы выбѣгали гончія прямо къ корыту и, опорожнивъ его, стройно убѣгали во дворъ, и тогда псари начинали готовить пищу для борзыхъ. По данному знаку борзыя бросались къ корыту и, по окончаніи, въ такомъ же порядкѣ возвращались въ свои сараи, и во все это время трубачи играли на своихъ трубахъ. Если случалось когда захватить живого зайца, то на той же площади, въ присутствіи публики, производилась травля; но и эти развлеченія меня привлекали потому, что на нихъ присутствовали дѣвушки и, слѣдовательно, я находился — какъ говорится—въ своей любимой средѣ. Послѣ, когда мнѣ минуло 13 лѣтъ, и я уже не жилъ въ Верякушахъ, а пріѣзжалъ туда время отъ времени гостемъ,—въ день моего рожденія—Кошкаровъ подарилъ и мнѣ свору собакъ и назначилъ ко мнѣ стремяннаго, такъ какъ, по обычаю, каждый мужчина, долженъ быть непремѣнно охотникомъ и, по возведеніи въ это званіе, обязанъ былъ принимать дѣятельное участіе въ охотѣ. При первомъ же выѣздѣ въ отъѣзжее поле взяли и меня, но я очень былъ не доволенъ, потому что въ это время читалъ книгу, которая очень меня интересовала: „Матильда, или записки изъ исторіи крестовыхъ походовъ“, сочиненіе г. Коттень, конечно, въ русскомъ переводѣ.

Пріѣхавъ на островъ — такъ на охотничьемъ языкѣ у насъ

называлась роща, окруженная гладкимъ полемъ — Кошкаровъ вышелъ изъ экипажа и сѣлъ на коня, указавъ каждому изъ охотниковъ, гдѣ онъ долженъ стоять со своею сворою, — а гончія были спущены въ рощу и тотчасъ нашли зайца и начали его преслѣдовать. Всѣ охотники жадно прислушивались къ ихъ лаю, стараясь по нему угадать мѣсто, гдѣ выбѣжитъ звѣрь,—но меня это вовсе не интересовало,—я разлегся на отведенномъ мнѣ мѣстѣ и преспокойно читалъ взятый мною съ собой романъ, и такъ увлекся имъ, что и не замѣтилъ, какъ бѣдный заяцъ выбѣжалъ прямо противъ меня и направился въ поле. Стремянной мой — по правиламъ охоты — не могъ безъ моего приказанія спустить свору (пара борзыхъ собакъ) и хотя кричалъ мнѣ: „баринъ, баринъ, вотъ звѣрь“, но я не обратилъ на то вниманія, и такимъ образомъ, благодаря прекрасной Матильдѣ и ея обожателю, Малекъ-Аделю, всецѣло приковавшихъ къ себѣ мое вниманіе, — заяцъ преспокойно пробѣжалъ мимо и замѣченъ былъ другими охотниками тогда, когда спущенныя ими собаки уже не могли его догнать. Кошкаровъ былъ взбѣшенъ до крайности этой неудачей и если бы меня не спряталъ занимавшій ближайшій ко мнѣ постъ дядя Петръ,—то онъ избилъ бы меня бывшимъ у него въ рукахъ арапникомъ. Возвратившись домой, долго толковали о моей неловкости и Кошкаровъ рѣшилъ такъ: „что тутъ удивительнаго! Нурка,—такъ звали меня обыкновенно,—какъ сынъ подьячаго—не способенъ къ благороднымъ удовольствіямъ: отобрать отъ него стремяннаго и свору и исключить изъ охоты“. Я очень былъ доволенъ этимъ рѣшеніемъ, потому что дѣйствительно не чувствовалъ ни малѣйшаго влеченія къ охотѣ [1])....

Я. М. Невѣровъ.

---

[1]) Писано въ іюлѣ 1877 г. въ Желѣзноводскѣ.